

А. Г. ГЕРЦЕН
Симферопольский университет

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА МАНГУПА

Замечательный памятник крымского средневековья городище Мангуп, расположенное на вершине живописного плато в юго-западной части внутренней гряды Крымских гор, давно уже привлекает внимание исследователей. Мангуп был связан многими нитями политических, культурных и торговых отношений с Московским государством, Византией, Молдавией, Польшей, Генуей, Трапезундом, Золотой Ордой, Крымским ханством. Еще в 1853 г. здесь начались археологические раскопки, но на подлинно научную основу они были поставлены только в советское время.

Предлагаемая статья посвящена истории исследования большого архитектурно-археологического комплекса Мангупского городища, его оборонительной системы. Эти памятники являются ценнейшим источником по истории Мангупа, дающим возможность выявить основные этапы жизни городища и проследить изменения его территории. Наконец, оборонительная система Мангупа — источник по истории военно-инженерного дела, освещающий пути развития и особенности крепостного строительства в средневековой Таврике, позволяющий установить влияние на него местных традиций и значение внешних факторов. Остатки фортификаций Мангупа давно уже привлекаются в качестве аналогий для других памятников военного зодчества Крыма. Правда, недостаточная изученность эталона порождает противоречивые суждения среди специалистов в оценке одних и тех же памятников. Поэтому очерк истории изучения оборонительной системы Мангупа неизбежно проецируется на историю развития исторических знаний о средневековой Таврике в целом.

Дореволюционные исследования можно разделить на три периода: конец XVI в. — присоединение Крыма к России; 1783—1890 гг.; 1890—1920 гг.

Для первого периода характерны описания, составленные в основном дипломатами, военными, коммерсантами.

Труд польского посла в Крыму Мартина Броневского «Опи-

сание Татарию» (1578 г.), по сути дела, открывает серию сочинений, касающихся «пещерных городов» Крыма¹. Именно он впервые сообщает о цитадели на мысе Тешкли-Бурун, упоминая о ее воротах, украшенных мрамором и греческими надписями, и о том, что здание цитадели при турках функционировало как тюрьма².

В XVII в. о Мангупе имеется несколько сообщений³, из которых наибольший интерес представляет описание турецкого дипломата и путешественника Эвлии Челеби, автора известной «Книги путешествия»⁴. Фактически в ней содержится самое подробное описание крепости из составленных до конца XVIII в. Несмотря на некоторые неточности, оно имеет большую ценность благодаря указаниям ряда деталей устройства оборонительных сооружений (амбразур, ворот)⁵, что важно для их изучения, архитектурной реконструкции и последующей реставрации.

Эвлия одним из первых отмечает природную силу крепостной позиции⁶. Важно повторение им вслед за Броневским указания о наличии греческой или, по Эвлии, генуэзской надписи над воротами цитадели, что подтверждает ее дотурецкую дату основания. В свое время А. Л. Бертье-Делагард, обосновывая точку зрения о строителе цитадели турками, относил свидетельство Броневского к остаткам главных городских ворот в балке Капу-Дере, описание же турецкого путешественника осталось ему неизвестным.

Последние раскопки 1971—1981 гг. показали, что укрепление на мысе Тешкли-Бурун возникло при жизни княжества Феодоро в XIV—XV вв.

Включение Крыма в состав России способствовало усилению интереса к древностям полуострова. Приезжавшие сюда в конце XVIII — первой половине XIX в. ученые и просто любители путешествий нередко поднимались на Мангуп, запечатлевая увиденное в описаниях, путевых заметках и рисунках. Несомненный интерес представляют планы городища, отснятые русскими военными топографами в 80—90-е гг. XVIII в. и к сожалению до сих пор не опубликованные⁷.

Начало научному описанию памятников Мангупа и других «пещерных городов» Крыма было положено академиком П. С. Палласом⁸. Паллас отличался не только хорошей наблюдательностью, но и исключительной добросовестностью. Подробно описав географическое положение Мангупа, он значительное внимание уделил архитектурно-археологическим памятникам, и в частности оборонительным сооружениям⁹.

Объемистые сочинения авторов романтического направления, современников Палласа, содержат гораздо меньше полезных сведений¹⁰.

Первое обследование архитектурных памятников городища с целью подготовки предложений о мерах их сохранения было

поручено правительством академику Келлеру, командированному в Крым в 1821 г. Им был составлен доклад о состоянии фортификационных сооружений, которые определялись как генуэзские. Основное внимание было уделено остаткам главных крепостных ворот в балке Капу-Дере, где отмечается существование в прошлом сводчатого перекрытия¹¹.

В «Крымском сборнике» П. Кеппена Мангупу посвящена отдельная глава, в которой в основном собраны сведения предшественников¹². Остается только сожалеть, что собственные наблюдения этого очень добросовестного автора слишком лаконичны.

Гораздо подробнее, но менее точно описаны некоторые оборонительные сооружения городища швейцарским путешественником Дюбуа де Монпере, сопроводившим свое сочинение весьма ценным атласом рисунков. Автор связал возникновение «пещерных городов», в том числе и Мангупа, с деятельностью Юстиниана I, якобы стремившегося защитить этими крепостями горные проходы, ведущие в союзную с Византией область Дори; тем самым была заложена основа гипотезы о связи упоминаемых Прокопием «длинных стен» с укреплениями Юго-Западного Крыма¹³.

Из большого ряда описательных работ с элементами исторического очерка, публиковавшихся на протяжении второго периода¹⁴, следует отметить две. В 1839 г. вышло описание Мангупа И. С. Андриевского. Несмотря на ряд неточностей, оно интересно большей подробностью, чем кеппеновское. Отмечается своеобразие кладки крепостных стен в сравнении с Херсонесом и генуэзскими укреплениями. Построение Мангупской крепости автор склонен связывать с хазарским временем, но осуществлено оно было византийцами¹⁵. В заключение приводится достаточно полный очерк истории Мангупа. В конце XIX в. выходит описание Мангупа, созданное Н. П. Никольским, который, будучи артиллеристом, особое внимание уделил памятникам военного зодчества. Нередко фантастически интерпретируя материалы, автор тем не менее сделал много верных наблюдений, в частности, отметив ряд фортификационных элементов, относящихся к эпохе распространения огнестрельного оружия¹⁶.

Появлению серьезных исследовательских работ о Мангупе предшествовали первые, небольшие по масштабам раскопки, проведенные А. С. Уваровым в 1853 г. близ цитадели. Целью их было отыскание гробниц «прежних владельцев этого города»¹⁷.

Наряду с сугубо вещеведческим подходом к памятникам, характерным для дореволюционной археологии, в среде передовых исследователей зрела мысль о необходимости более широкого научного подхода к древностям. Так, дальнейшее исследование истории Херсонеса ставилось в связь с изучением памятников его ближайшей округи, в частности и Мангупа¹⁸.

Начавшиеся в 80-х гг. XIX в. систематические раскопки античных городов, прежде всего Херсонеса и Пантикапея, стимулировали интерес и к средневековым памятникам, тем более что уже с конца XVIII в. возникла традиция искать на их месте остатки крепостей, упоминающихся в сочинениях древних авторов.

Ф. К. Брун, много занимавшийся изучением исторической топографии Северного Причерноморья, опираясь главным образом на генуэзские документы, убедительно отождествил с Мангупом топоним Феодоро, известный по ряду источников XIV—XV вв.¹⁹ Это мнение прочно вошло в современную науку²⁰.

Ф. К. Брун был сторонником весьма распространенного в то время представления о долгом пребывании в Горном Крыму готов, пришедших сюда, вероятно, еще в середине III в.²¹ Рассмотрение этого положения не входит в задачу нашей работы; отметим лишь, что и к настоящему времени не выработано каких-либо четких критериев, которые позволили бы выделить на данной территории готскую культуру²², за исключением отдельных ее элементов²³.

Третий период в дореволюционной истории изучения оборонительных сооружений Мангупа начинается в 1890 г. организацией археологических исследований, проводившихся германистом Ф. А. Брауном²⁴. Намечая историческую топографию городища, он дал первое, правда, очень короткое описание компоновки оборонительных сооружений на плато, открыл две надписи, имеющие большое значение для датировки крепостных сооружений²⁵.

Особое внимание Браун уделил культовым памятникам, проведя раскопки октогонального храма на Тешкли-Буруне и базилики в северной части плато.

Один из ведущих деятелей Таврической ученой архивной комиссии, ее председатель А. И. Маркевич предпринял в 1890 г. поездку на Мангуп, одним из результатов которой было опубликование монографического описания одной из башен крепости, находящейся в верховьях балки Табана-Дере²⁶.

Археологические раскопки на Мангупе были возобновлены в 1912 г. под руководством Р. Х. Лепера, намеревавшегося, как и его предшественник Ф. А. Браун, отыскать следы пребывания готов²⁷. С этой целью предполагалось исследовать здание цитадели, большую базилику, кладбище в Табана-Дере и другие памятники. Раскопки не оправдали ожиданий, а вещей, относящихся к готской эпохе, не найдено вовсе.

Весьма важной для постановки вопроса о времени начала крепостного строительства на Мангупе была находка в одной из гробниц базилики фрагмента надписи с именем Юстиниана, по мнению В. В. Латышева, Юстиниана I²⁸. Среди других эпиграфических материалов особо следует отметить плиту с надписью 1363 г., упоминающую Феодоро и Пойку²⁹.

На мысе Тешкли-Бурун велись раскопки цитадели внутри донжона. К сожалению, Лепер, редко бывавший на Мангупе, не оставил ни подробного отчета, ни дневников. Нет даже удовлетворительной описи находок. Приходится довольствоваться краткими сообщениями об отдельных вещах, наиболее выразительных, по мнению руководителя раскопок. Ничего ранее турецкого времени обнаружено не было. Отсюда следовал вывод о сооружении крепости на мысу турками после захвата ими Мангупа. К такому же выводу на основании изучения особенностей фортификации цитадели пришел А. Л. Бертъе-Делагард³⁰.

С именем А. Л. Бертъе-Делагарда связано начало серьезных научных исследований «пещерных городов» Крыма. Он первым начал широкие обмерные работы и фотографирование этих археологических памятников. Вопросам истории Мангупа посвящена его специальная статья «Қаламита и Феодоро», написанная на основе анализа собственных наблюдений, архивных документов, чертежей и оригинальных фотографий, с учетом последних археологических данных.

В описании памятников для А. Л. Бертъе-Делагарда характерна высокая точность и отсутствие стремления к домыслу без надежных оснований. Поэтому он обходил вопрос о времени и обстоятельствах основания города, поскольку не располагал достаточным материалом. Только анализируя архитектуру большой базилики, он очень осторожно высказывается о ее возведении не позднее VII—VIII вв., опираясь на херсонесские аналогии³¹. Синхронных ей оборонительных сооружений Бертъе-Делагард не указывает. Крепостную же линию, проходящую в северной части плато, он связывает со строительной деятельностью мангупских князей XIV—XV вв., полагая, что она была основным оборонительным рубежом города.

Как уже отмечалось выше, цитадель автор определяет как турецкую постройку, считая, что князьям она была не нужна при наличии дворца в окрестностях базилики. Такую атрибуцию цитадели подтверждают, по мнению автора, ружейные бойницы на куртинах, относимые им к первой половине XVI в., так же как и аналогичные бойницы на внешней оборонительной стене в Чуфут-Кале.

Особо следует отметить, что в статье впервые публикуется достаточно точный топографический план Мангупа; увеличенный с одноверстной карты Крыма³², он приводится и в новейших работах³³.

Большой вклад в изучение эпиграфических памятников Мангупа внес академик В. В. Латышев. Им были обработаны и изданы практически все надписи на камнях, обнаруженные на городище в XIX—начале XX в.³⁴ Известную надпись 1427 г. В. В. Латышев склонен был связывать с Мангупом, а не с Инкерманом, как А. Л. Бертъе-Делагард³⁵. При такой интерпре-

тации следовало, что городские укрепления на плато были возведены в правление князя Алексея.

В 1896 г. впервые были опубликованы две надписи, найденные Ф. А. Брауном. Восстанавливая содержание первой из них, В. В. Латышев полагал, что она сообщает о возведении башни в правление Тохты или Тохтамыша³⁶, вторая же, происходящая из вторичной кладки башни в Табана-Дере, содержащая упоминание «крепости Феодоро», отнесена им к XIV в.³⁷

В. В. Латышевым была опубликована заметка А. Л. Бертье-Делагарда по поводу небольшой надписи в пещере у нижней стены Табана-Дере, которую он предположительно определяет как обозначение даты 6729—1221 г., имеющей отношение к стене³⁸.

В дальнейшем В. В. Латышев обратился к мангупским надписям после раскопок Р. Х. Лепера³⁹.

Труды А. Л. Бертье-Делагарда и В. В. Латышева венчают третий период в дореволюционном изучении крепости Мангупа. Подводя итоги изысканий дореволюционных исследователей, следует констатировать, что был накоплен значительный фактический материал по истории культуры населения Мангупа и по политической истории княжества Феодоро; были добыты и обработаны эпиграфические памятники, касающиеся оборонительных сооружений, сделаны попытки датировать некоторые из них, но это был лишь первый шаг в изучении большого археологического комплекса Мангупского городища. Отдельные его узлы исследовались обособленно, задача изучения истории поселения в целом вообще не ставилась. Далеко не одинаковы были научные устремления исследователей, увлекавшихся то поисками ценных в художественном отношении вещей (А. С. Уваров), то следов пребывания готов (Ф. А. Браун, Р. Х. Лепер).

Не ставилась и задача охраны архитектурных памятников, среди которых особой заботы требовали те, целостность которых была нарушена археологическими раскопками⁴⁰.

Ни один дореволюционный исследователь не поставил перед собой задачу изучить оборонительные сооружения Мангупа в их взаимосвязи. Совершенно не проводились обмеры стен и башен.

Раскопки оборонительных сооружений почти не проводились, если не считать расчистку Лепером внутренней стороны донжона цитадели, давшую, как известно, лишь материалы позднетурецкого времени.

По-новому к решению этих проблем смогла подойти только советская археологическая наука.

После Великой Октябрьской социалистической революции были приняты энергичные меры, направленные на сохранение историко-культурных ценностей, которым угрожало разрушение и расхищение. В отношении Мангупа, переданного приказом

Крымревкома в ведение Крымохриса в 1921 г.⁴¹, такие мероприятия разрабатывались уже в 1923 г. К 1925 г. была организована охрана территории городища, а в 1927 г. произведено выделение охранной зоны⁴².

Вопрос о необходимости возобновления исследований средневековых городов Крыма, и Мангупа в частности, был поставлен уже в 1921 г. А. А. Васильевым, в трудах которого ощущаются традиции старой школы русского византиноведения. Мангуп он считал центром готского княжества, заслуживающим пристального внимания археологов⁴³. Взгляды Васильева на готскую проблему получили окончательное выражение в монографии, вышедшей в 1936 г. в США⁴⁴. Ценность представляет обширный фактический материал, привлеченный автором⁴⁵, но основная его идея о долгом, вплоть до XV в., сохранении в Крыму готской этнической территории не выдерживает критики с позиций современной исторической науки.

Археологические исследования Мангупа возобновились только в 1938 г. Столь продолжительная пауза была вызвана усилением научного интереса к Эски-Кермену, который, по предположению Н. И. Репникова, в VI—X вв. именовался Доросом и был столицей Крымской Готии до разрушения его хазарами⁴⁶. По мнению Н. И. Репникова, возвышение Мангупа как городского центра Юго-Западной Таврики могло произойти не ранее X в.

Для обоснования омоложения даты основания поселения на Мангупе автор приводит ряд аргументов. Так, утверждается, что, вопреки распространенному представлению о недостаточной исследованности памятника, на самом деле «площадь его изрядно во многих местах перерыта работами 1891, 1912, 1913—1914 гг.»⁴⁷. Отрицается принадлежность Мангупу надписи с именем Юстиниана⁴⁸, «базилика Брауна» переносится из VI в XI в.⁴⁹, отмечается отсутствие на плато ранней керамики. Общий вывод таков: все известное на Мангупе — не ранее начала XI в., культурный слой здесь тонок, оборонительные стены поздние «как по смыслу, так и по характеру кладки»⁵⁰.

Сравнивая стены Эски-Кермена и Мангупа, Н. И. Репников отмечает, что для последних характерна нерегулярная кладка с применением нетесанных камней, деревянных брусьев и известкового раствора. Отрицает автор и наличие здесь облицовки из тесаного камня⁵¹. Ссылаясь на результаты осмотра стен, произведенного в 1928 г., он поддерживает мнение А. Л. Бертье-Делагарда о дате Мангупской обороны XIII—XIV вв.⁵², а данные эпиграфики (надпись 1362 г. с именем Тохтамыша) позволяют ему вывести более узкую дату — вторую половину XIV в.⁵³ Позднее, возвращаясь к этому вопросу при работе над археологической картой Крыма, Н. И. Репников в основном повторил эти выводы, добавив лишь, что главная оборонительная линия поддерживалась и в турецкое время⁵⁴. Отмечает-

ся также переложенный характер кладки нижней оборонительной стены в Табана-Дере⁵⁵. Непонятно, почему автор утверждает, что стены и башни Мангупа имели зубчатый парапет, хотя это характерно только для двух башен в тальвеге Гамам-Дере и в верховьях Табана-Дере. Для остальных же известных в то время сооружений характерно наличие сплошного бруствера.

Подводя итоги в области изучения оборонительных сооружений Мангупа, проводившегося в 1938 г., Н. И. Репников отмечает, что поиски раннесредневековых стен были неудачными, и подвергает критике выводы А. Л. Якобсона о наличии ранних кладок в основании боевых стен Мангупа⁵⁶. Следует, однако, отметить, что, отрицая существование на плато раннесредневековых памятников, Н. И. Репников подчеркнул необходимость дальнейшего изучения Мангупа⁵⁷.

Все замечания, сделанные Н. И. Репниковым по поводу характера и датировок крепостных стен городища, справедливы лишь по отношению ко второму защитному рубежу Мангупа. Столь категоричные выводы относительно позднего возникновения укрепленного поселения на плато были порождены, с одной стороны (вопреки мнению Н. И. Репникова), как раз недостаточной изученностью памятника, с другой стороны, сказавшись увлеченностью автора гипотезой об Эски-Кермене как о центре экономической и политической жизни Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Вместе с тем разведки и раскопки на плато Эски-Кермен показали важность изучения оборонительных сооружений для воссоздания истории поселения.

Иную точку зрения в отношении времени и обстоятельств возникновения Эски-Кермена и других «пещерных городов» попытался обосновать Н. Л. Эрнст. Он полагал, что традиция высекания жилищ в скалах занесена была в Крым из Малой Азии греческими переселенцами, здесь же ее восприняло местное готское население, которое в XII—XIV вв. создало в горных районах юго-западной части полуострова укрепленные города⁵⁸. В дальнейшем эти выводы не получили поддержки археологов.

В 1933 г. Н. В. Малицкий обратился к уже известным эпиграфическим памятникам Мангупа и высказал соображения, уточняющие датировку строительной надписи времени Тохтамыша (80-е гг. XIV в.), имеющей, вероятно, отношение к крепостным сооружениям⁵⁹. В отношении других надписей автор приводит подробный историографический обзор и уточняет чтение отдельных фрагментов.

В том же году Н. И. Репников организовал разведывательные работы на Мангупе, которые, впрочем, ограничились осмотром памятников и небольшими зачистками. Пожалуй, наиболее важным результатом было открытие следов двойных постелей стен, вырубленных в скале перпендикулярно обрыву мыса Тешкли-Бурун. Они были истолкованы Н. И. Репниковым

как доказательство существования на мысу в V—VI вв. укрепления типа Сюреньского⁶⁰. К сожалению, намечавшиеся на 1936 г. раскопки на этом месте не состоялись, не было указано точное местонахождение обнаруженных вырубков.

Серьезным шагом в исследовании Мангупа явилась организация в 1938 г. экспедиции под руководством Д. А. Анкудинова, Е. В. Веймарна, М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона. Была поставлена задача начать систематическое изучение памятника⁶¹. Основными объектами раскопок стали базилика (предполагаемый храм Константина и Елены) и дворец князя Алексея.

Полученные материалы показали, что на плато сохранились следы поселения V—VI вв.⁶² Этим временем было датировано строительство базилики, но в дальнейшем М. А. Тиханова сузила эту дату до VI в.⁶³

Впервые в истории исследований городища была проведена археологическая разведка его оборонительной системы. Но вопрос о существовании синхронных с ней крепостных стен не был решен. Так, в предварительном сообщении утвердительно говорится о существовании на плато раннесредневековых оборонительных стен и ворот (Капу-Дере)⁶⁴. Затем А. Л. Якобсон выступил с двумя статьями, в которых дополнительно аргументировал это положение⁶⁵. По поводу оборонительных сооружений автор писал, что «раннесредневековая кладка в нижней части стен XIV—XV вв. прослеживается почти на всем протяжении». Отмечалось также наличие раннесредневековой кладки из больших блоков в воротах над мысом Тешкли-Бурун и в Табана-Дере. Указывалось, что в последнем пункте эта стена надстроена поздней кладкой, датируемой надписью в башне XIV в.⁶⁶

Появление крепости на Мангупе и в других пунктах Горного Крыма А. Л. Якобсон связывает с необходимостью защиты от внешней опасности византийских владений, которая была особенно реальной в V—VI вв.⁶⁷ Отнеся стены Мангупа в их современном виде к XIII—XV вв., А. Л. Якобсон отмечает, что в ряде мест сохранилась кладка из больших хорошо отесанных блоков (Капу-Дере — район ворот и Табана-Дере — нижняя стена), которая на основании аналогий датируется VI в.⁶⁸

Основной вывод таков: Мангупская крепость входила в состав системы укреплений эпохи Юстиниана I, упомянутой Прокопием под образным названием «длинные стены» (в создании их могли принимать участие херсонесские строительные артели)⁶⁹. Это положение в дальнейшем повторялось в других работах, посвященных проблемам истории раннесредневековой Таврики⁷⁰.

Гипотеза об основании крепости на Мангупе в юстиниановское время и о вхождении ее наряду с другими укреплениями в систему «длинных стен» встретила критику со стороны Н. И. Репникова и других авторов.

Е. В. Веймарн, производивший обследование оборонительных сооружений городища, в осторожной форме высказался о времени их возникновения. Отметив, что в нижней стене в Табана-Дере использован древний тесаный камень, он, однако считает все сооружение поздним, поскольку лежат эти блоки неправильными рядами и без вырубленных в скале постелей; то же относится и к стенам в Капу-Дере. Единственное место, где, по мнению автора, можно видеть раннесредневековую кладку, это остатки главных городских ворот⁷¹. Вопрос о планировке и характере раннесредневековой крепости Е. В. Веймарн оставляет открытым, выводы же А. Л. Якобсона, по его мнению, слишком категоричны, поскольку основаны лишь на наблюдениях по наземным частям стен⁷².

Северо-западные и западные стены, видимые ныне, по его мнению, не имеют прямой связи с оборонительными линиями раннего средневековья⁷³. Этот вывод подтвержден в результате наших разведок и раскопок 1969—1973 гг.

В 1949 г. Е. В. Веймарном была проведена разведка остатков крепостных стен, облегченная произведенной до этого вырубкой растительности; составлен буссольный план оборонительной линии на плато⁷⁴.

Свой взгляды на проблему возникновения средневековых укрепленных поселений Юго-Западного Крыма Е. В. Веймарн наиболее последовательно изложил в двух статьях, вышедших в 1958 г. По его мнению, не инициатива византийского правительства сыграла главную роль в этом процессе, а естественный ход развития экономических и социально-политических отношений в среде местного населения привел к появлению на основных торговых путях горной Таврики к IX в. городов и замков⁷⁵.

На Мангупе в раннее средневековье, по мнению Е. В. Веймарна, крепость существовала только на мысе Тешкли-Бурун, а остальная территория плато была защищена только в VIII—X вв.⁷⁶ К этому выводу его приводит анализ оборонительной системы Эски-Кермена, которая, как он предполагал, предшествовала Мангупу⁷⁷.

Для нашей темы особенно важно отметить статью Е. В. Веймарна об укреплениях Эски-Кермена. Описание и реконструкция защитных комплексов, анализ их в свете истории развития тактики оборонительного и наступательного боя сделаны на высоком уровне. Исторические же выводы следуют в русле взглядов Н. И. Репникова, подвергавшихся, как уже отмечалось, критике со стороны А. Л. Якобсона⁷⁸.

Рецензируя данную статью Е. В. Веймарна, А. Л. Якобсон признал справедливость вывода автора о невозможности отождествления средневековых крепостей Юго-Западного Крыма с «длинными стенами»⁷⁹, но в монографии «Средневековый Крым» вновь Мангуп и другие пункты причисляются к ним⁸⁰, хотя в

примечании автор оговаривается, что Мангуп и другие памятники нельзя включать в их число⁸¹. В монографии, вышедшей в 1970 г., говорится о созданной в Дори в VI в. сильной крепости для защиты византийских владений в Крыму от нападений кочевников⁸². Как и Сюреньское укрепление, она должна была защищать пути к подконтрольным византийским территориям. Таким образом, на смену представлению о линейной системе укреплений приходит взгляд о существовании отдельных опорных пунктов, что, по нашему мнению, более соответствует обстановке в Таврике V—VII вв.

На недостаточную обоснованность даты окончательного разрушения крепости Эски-Кермена (конец VIII в.)⁸³ обратил внимание Д. Л. Талис. Отмечая слабые места в позициях как одного, так и другого автора, он, в свою очередь, выдвинул мысль о расцвете византийского крепостного строительства на полуострове в доюстиниановскую эпоху⁸⁴, причем не связывая его с «длинными стенами», которые, по его мнению, пока еще не обнаружены. Южнобережный вариант их локализации Д. Л. Талис исключал, поскольку этому противоречат слова Прокопия о строительстве крепостей Алустон и в Гурзувитах⁸⁵. Последнее положение было выдвинуто в противовес гипотезе Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского о нахождении страны Дори на побережье между Судакон и Балаклавой. Появление укреплений на Мангупе Д. Л. Талис относит к концу V— началу VI в.⁸⁶, ссылаясь на эски-керменские аналогии и принимая даты Н. И. Репникова⁸⁷.

В работе, специально посвященной оборонительному зодчеству средневековой Юго-Западной Таврики, автор дает развернутую сравнительную характеристику защитных систем городищ Эски-Кермена, Мангупа, Чуфут-Кале, Каламиты, Сюреньского укрепления, Кыз-Кермена, Баклы и Тепе-Кермена. Оговариваясь, что об оборонительных сооружениях Мангупа может судить только по небольшим зачисткам, автор сопоставляет его стены с эски-керменскими и отмечает ряд различий кладки, но в целом относит их к типу квадратной кладки, для которой характерно сочетание двух рядов облицовки⁸⁸.

Весьма ценной частью работы является описание остатков Баклинской цитадели, а также аргументы и соображения по поводу ее датировки⁸⁹. В то же время статья содержит ряд спорных положений, основанных главным образом на устаревших данных: так, например, утверждается, что мангупские стены имеют зубчатый парапет, строительство цитадели автор относит к турецкому времени. В концептуальной части статьи повторяется вывод о сооружении первоначальной оборонительной системы Мангупа в конце V— начале VI в.⁹⁰

Вопрос о зарождении крепости на Мангупе неразрывно связан с проблемой локализации страны Дори и «длинных стен», упомянутых в трактате Прокопия «О постройках». Анализ тек-

ста этого сочинения, проведенный Э. И. Соломоник, и археологические разведки на Южном берегу Крыма убедили О. И. Домбровского в том, что «длинные стены» реально могут быть прослежены в ряде дефиле Главной гряды. Построенные крымскими горцами еще в период римского господства, они были усилены в эпоху Юстиниана I, предназначались для защиты южнобережных владений Византии от нападений кочевников и функционировали до VII—VIII вв.⁹¹ В развернутом виде аргументация этого положения приведена в совместной работе, вышедшей в 1968 г.⁹² Оно полностью поддержано Е. В. Веймарном⁹³ и принято И. А. Барановым⁹⁴, со стороны же А. Л. Якобсона последовала жесткая критика с уже рассмотренных выше позиций⁹⁵.

Киевский археолог И. С. Пиоро, ознакомившись с нашими раскопками, выдвинул предположение о локализации Дори на плато Мангупа, «длинные стены», по его мнению, следует видеть в числе остатков оборонительных сооружений городища⁹⁶. Еще С. П. Шестаков отождествлял Мангуп (он же Ай-Тодор, по мнению автора), якобы заселенный в IV—V вв. готами, с Дори⁹⁷, но ниже, противореча себе, он пишет о предоставлении готам горной территории на берегу моря, т. е. высказывается за южнобережный вариант локализации этой хоры⁹⁸. О возможности отождествления «длинных стен» с Мангупом писал А. Л. Якобсон⁹⁹. По нашему мнению, отождествление страны Дори с Мангупом после доказательств, приведенных Э. И. Соломоник и О. И. Домбровским, выглядит неубедительным.

В 1979 г. Л. В. Фирсов, включившись в дискуссию, призвал вернуться к старому варианту представлений, согласно которому страна Дори находилась в Юго-Западной Таврике между Главной и Внешней грядами Крымских гор. Существование «длинных стен» на перевалах с VI в. кажется автору сомнительным, скорее, по его мнению, эти преграды создаются в период жизни княжества Феодоро и обращены они не на север, а на юг против генуэзцев¹⁰⁰.

Несколько ранее, в 1977 г., вышла монография Л. В. Фирсова по вопросам радиоуглеродной хронологии памятников Крыма. Особое внимание в ней уделено Херсонесу, по Мангупу приводятся результаты определений образцов деревянных конструкций из оборонительных стен. Отбор проб был произведен главным образом из сооружений, по внешним признакам датирующимся не ранее XIV в. Л. В. Фирсовым на основании анализов они были отнесены к IX—X вв.¹⁰¹ Имевшиеся ко времени опубликования этих выводов данные, а также результаты новейших работ достаточно красноречиво отводят столь ранние даты, по крайней мере относительно сооружений, в которых использовались балки, исследовавшиеся на радиокарбон.

Непосредственное археологическое изучение оборонительных сооружений Мангупа возобновилось в 1967 г. Здесь начала

работу совместная экспедиция Института археологии АН УССР и Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе под руководством Е. В. Веймарна. Первоначально изучение оборонительных стен ограничилось вырубкой растительности и незначительной зачисткой участка обороны в верховьях балки Капу-Дере у главных городских ворот¹⁰², продолжались эти работы и в следующем году¹⁰³.

В 1969 г. под руководством Е. В. Веймарна и И. И. Лободы (БИАМ) начались раскопки юго-восточной куртины цитадели в районе вылазной калитки, они велись до 1972 г. Кроме того, были обмерены комплексы пещерных казематов, расположенных вдоль обрыва мыса¹⁰⁴.

В то же время автор настоящей статьи начал изучение уже известных оборонительных сооружений, а также приступил к поиску остатков стен на не обследованных ранее участках мысов и балок плато. К лету 1972 г. было обнаружено около десятка новых звеньев крепостного комплекса Мангупа, которые позволили в общих чертах реконструировать очертания главной крепостной ограды, дискретно размещенные верки которой обеспечивали неприступность всей территории плато и верховьев балок¹⁰⁵.

С 1973 г. оборонительная система городища становится главным объектом изучения отряда Симферопольского госуниверситета им. М. В. Фрунзе; с 1975 г. отряд стал самостоятельной экспедицией.

К 1982 г. археологическим раскопкам подверглись следующие памятники комплекса крепостных сооружений: две оборонительные стены на западном и восточном склонах мыса Чамну-Бурун, остатки протейхизмы (?) перед нижней стеной в Табана-Дере, башня в верховьях этой балки, оборонительная стена на восточном склоне мыса Чуфут-Чеарган-Бурун, участок оборонительного пояса в верховьях Лагерной балки, оборонительная стена и полукруглая башня в Гамам-Дере, следы ранней оборонительной стены на западном склоне мыса Елли-Бурун, оборонительная стена цитадели на мысе Тешкли-Бурун.

Итоги исследований перечисленных памятников публикуются особо.

ПРИМЕЧАНИЯ

Термин «пещерные города», обозначающий группу средневековых городищ Юго-Западного Крыма, довольно прочно вошел в обиход. О значении термина см.: **Веймарн Е. В.** «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.—СА, 1958, № 1, с. 71—79; **Он же.** Пам'ятки південно-західного Криму.—В кн.: Археологія Української ССР. Київ, 1975, т. 3, с. 456.

- ² **Броневский М.** Описание Татарии.— ЗООИД, 1867, № 6, с. 343.
- ³ **Дортелли д'Асколли Э.** Описание Черного моря и Татарии.— ЗООИД, 1902, № 14, с. 121; Мемуары, относящиеся к истории Южной России (Боплан). Киев, 1896, с. 327.
- ⁴ **Григорьев А. П.** «Книга путешествия» Эвлии Челеби как источник по истории Крыма XVII в.— В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974, вып. 3, с. 19—28.
- ⁵ *Księga podróży Ewliji Czelebiego (Wybor).* Warszawa, 1969, s. 260—261.
- ⁶ *Ibid.*, s. 260.
- ⁷ Хранятся в ЦГВИА, отд. 9, ВУА, № 22137—22138.
- ⁸ **Pallas P. S.** Bemerkungen auf einer Reise die südlichen Statthalter-schaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793—1794. Leipzig, 1799—1801. На рус. яз. см.: ЗООИД, 1881, № 12, с. 123, 132—135.
- ⁹ *Ibidem*, S. 103.
- ¹⁰ **Guthrie M. A.** Tour performed in the years. 1795—1796, through the Taurida or Crimea. London, 1802, p. 86 (Letter XXV); **Clarke E. D.** Travels in Russia, Tartar and Turkey. London, 1839, v. 2, p. 478; **Сумароков П. И.** Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805, ч. 2, с. 45—49; **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествия по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823, с. 182—189.
- ¹¹ О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных.— ЗООИД, 1872, № 8, с. 395.
- ¹² **Кеппен П. И.** О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб., 1837, с. 261—282.
- ¹³ **Dubois de Montpéroux.** Voyage autour du Caucase, ches les Tcherekessus et les Abkhases, en Colchide, end Georgie en Armenie, et en Crimée. Paris, 1843, v. 6, p. 272—286.
- ¹⁴ **Мурзакевич Н. Н.** Поездка в Крым.— ЖМНП, 1837, № 3, с. 643; **Шишкина О.** Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848, ч. 2, с. 127—128; **Кондораки В. X.** Мангуп-Кале.— ЗООИД, 1872, с. 420—426; **Попов А. Н.** Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1883, с. 116—126; **Марков Е.** Очерки Крыма. 4-е изд. М., 1902, с. 404—416.
- ¹⁵ **Андриевский И. С.** Развалины Мангупа.— В кн.: Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839, с. 541—544.
- ¹⁶ **Никольский Н. П.** Мангуп-Кале.— Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1893, вып. 3, с. 72.
- ¹⁷ **Уваров А. С.** Материалы для биографии и статьи по теории археологии. СПб., 1910, т. 3, с. 14.
- ¹⁸ Труды II археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1876, вып. 2, отд.-ние 2, с. 42.
- ¹⁹ **Vign Ph.** Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie.— In: Memoires de L'Academie de St.-Petersburg, ser. 7, 1886, t. 10, N 9, p. 72—73. Интересно, что еще в XVIII в. сохранялось представление о связи Феодоро с Мангупом. В картографическом отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся две карты Крыма (К $\frac{I-Укр}{21}$ 3, инв. № 42708 и 42718). Первая составлена на основании карт фельдмаршала Миниха и генерала Ласси вскоре после завершения военной кампании в Крыму (1737 г.), на ней представлены Крым и юг Украины. В юго-западной части полуострова указано «Tudeoru Dominatio», поставленное на место Мангупа. Вторая карта, согласно экспликации являющаяся приложением к первой, изображает только Крым в более крупном масштабе, но номенклатура ее не подробнее. Мангуп здесь обозначен как «Окпат», т. е. название давно в обратном написании и должно звучать как «Манко».
- ²⁰ **Пиоро И. С., Герцен А. Г.** Клад антонинианов из с. Долинного Крымской области.— НС, 1974, вып. 5, с. 90.
- ²¹ **Пятышева Н. В.** Печать готского епископа в коллекциях Государственного Исторического музея.— Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 35—36. Известной реминисценцией является мнение, высказанное

Е. Ч. Скржинской в комментарии к сочинению Иосифато Барбаро. Она пишет о готском государстве в XV в. со столицей в Феодоро. (Барбаро и Контарини о России. Коммент. и пер. Е. Ч. Скржинской. М., 1971, с. 77, 180—181, примеч. 128; с. 165, примеч. 18).

²² **Амброз А. К.** Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма VI—VII вв.—КСИА, 1968, вып. 113, с. 10—23.

²³ Записка приват-доцента императорского Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна.—Архив ЛОИА, ф. 1, № 40/1890, л. 2—4.

²⁴ ОАК за 1980 г., с. 16, 20.

²⁵ **Бертье-Делагард А. Л.** Каламита и Феодоро.—ИТУАК, 1918, № 55, с. 37.

²⁶ **Маркевич А. И.** Экскурсия на Мангуп.—ИТУАК, 1890, № 9, с. 107.

²⁷ **Лепер Р. Х.** Археологические расследования в Мангупе в 1912 г.—ИАК, 1913, вып. 47, с. 154; ИТУАК, 1914, № 51, с. 297.

²⁸ ИТУАК, 1914, № 51, с. 298, 299.

²⁹ **Бертье-Делагард А. Л.** Каламита и Феодоро, с. 19—28.

³⁰ Там же, с. 40, 15.

³¹ **Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде (справки о Фуллах).—ИТУАК, 1920, № 57, с. 113.

³² **Бертье-Делагард А. Л.** Каламита и Феодоро, с. 10.

³³ Напр.: **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 125, рис. 44; **Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пяро И. С., Чорев М. Я.** Археологические исследования столицы княжества Феодоро.—В сб.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 124.

³⁴ **Латышев В. В.** Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896, с. 48—58; **Он же.** Заметки к христианским надписям из Крыма.—ЗООИД, 1897, № 20, с. 153—154; **Он же.** Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г.—ИАК, 1902, вып. 3, с. 31—33; **Он же.** Эпиграфические новости из Южной России.—ИАК, 1918, вып. 65, с. 17—21.

³⁵ **Латышев В. В.** Сборник греческих надписей..., с. 50—53. Здесь же приведена литература по этому вопросу.

³⁶ Там же с. 54—55.

³⁷ Там же, с. 56—57.

³⁸ **Латышев В. В.** Заметки к христианским надписям из Крыма, с. 154.

³⁹ **Латышев В. В.** Эпиграфические новости из Южной России, с. 17—21.

⁴⁰ **Бертье-Делагард А. Л.** Каламита и Феодоро, с. 2, 37—38; **Клепинин Н. Н.** Об охране памятников старины в Крыму.—ЗООИД, 1913, т. 2, с. 171—172.

⁴¹ **Полканов А. И.** История музейного дела и охрана памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму.—ИТОАИЭ, 1931, т. 4, с. 116.

⁴² **Полканов А. И.** Охрана памятников в Крыму за советский период.—ИТОАИЭ, 1928, т. 2 (59), с. 177.

⁴³ **Васильев А. А.** Готы в Крыму.—ИРАИМК, 1921, вып. 1, с. 32; ИГАИМК, 1927, вып. 5, с. 182, примеч. 1.

⁴⁴ **Vasiliev A. A.** The goths in the Crimea. Cambridge — Massachusetts, 1936.

⁴⁵ **Герцен А. Г.** О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в архиве ЛОИА АН СССР.—ВВ, 1979, т. 40, с. 191—192.

⁴⁶ **Репников Н. И.** Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.—ИГАИМК, 1929, вып. 1—8, с. 13—134; **Бабенчиков В. П.** Из истории Крымской Готии.—В кн.: Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.—ИГАИМК, 1936, вып. 117, с. 145—146. Эту гипотезу поддержал **В. И. Равдоникас**, оговорившись, однако, что еще необходимо провести систематические исследования Мангупа. См.: Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья.—ИГАИМК, 1932, вып. 1—8, с. 34—35.

⁴⁷ **Репников Н. И.** Эски-Кермен в свете археологических разведок, с. 140.

⁴⁸ Там же, с. 141.

- ⁴⁹ Там же, с. 141—142.
- ⁵⁰ Там же, с. 144.
- ⁵¹ **Репников Н. И.** Остатки укреплений Эски-Кермена.— ИГАИМК, 1929, т. 12, вып. 1—8, с. 206.
- ⁵² Там же, с. 207—208.
- ⁵³ Там же, с. 207.
- ⁵⁴ **Репников Н. И.** Материалы к археологической карте Юго-Западного Крыма, ч. 2.— Архив ЛОИА, ф. 10, № 10, л. 160.
- ⁵⁵ Там же, л. 161.
- ⁵⁶ Там же, л. 163.
- ⁵⁷ Там же, л. 2.
- ⁵⁸ **Эрнст Н. Л.** Эски-Кермен и пещерные города Крыма.— ИТОАИЭ, 1929, т. 3, с. 41—43.
- ⁵⁹ **Малицкий Н. В.** Заметки по эпиграфике Мангупа.— ИГАИМК, 1933, вып. 71, с. 5—7.
- ⁶⁰ Архив ЛОИА, ф. 10, № 10, ч. 2, л. 172.
- ⁶¹ **Тиханова М. А.** Базилика.— МИА, 1953, № 34, с. 336.
- ⁶² Мангупская экспедиция. Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г.— КСИИМК, 1939, вып. 1, с. 26; **Тиханова М. А.** Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма.— МИА, 1953, № 34, с. 325—326.
- ⁶³ МИА, № 34, с. 387.
- ⁶⁴ Мангупская экспедиция..., с. 27.
- ⁶⁵ **Якобсон А. Л.** Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму.— СА, 1940, № 6, с. 220.
- ⁶⁶ Там же. Надпись, которую имеет в виду А. Л. Якобсон, датируется не XIV, а XVI в., вероятно, в тексте статьи допущена опечатка. См.: **Латышев В. В.** Греческие и латинские надписи..., с. 31—33. Новейшую публикацию этой надписи см.: **Соломоник Э. И., Белый А. В.** Утерянная и вновь открытая мангупская надпись 1503 г. (в печати).
- ⁶⁷ **Якобсон А. Л.** Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму, с. 221—222, 225. Тем самым А. Л. Якобсон присоединился к мнению, высказанному С. П. Шестаковым (см.: Очерки по истории Херсонеса VI—X вв. М., 1908, с. 8—9) и поддержанному А. А. Васильевым (см.: Готы в Крыму.— ИГАИМК, вып. 5, с. 182), о создании в Крыму в правление Юстиниана I «Таврического лимеса».
- ⁶⁸ **Якобсон А. Л.** О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа.— КСИИМК, 1949, № 29, с. 55—62.
- ⁶⁹ Там же, с. 62.
- ⁷⁰ **Тиханова М. А.** Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма, с. 324; **Якобсон А. Л.** Византия в истории раннесредневековой Таврики.— СА, 1954, № 21, с. 150; **Он же.** Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 26—27.
- ⁷¹ **Веймарн Е. В.** Разведки оборонительных стен и некрополя.— МИА, 1953, № 34, с. 419. Почему-то автор считает, что на этом участке не соблюдена горизонтальность рядов и стена стоит не на постелях. На самом деле нижний ярус кладки выполнен очень аккуратно из больших квадратов и, возможно, относится к раннему периоду существования оборонительной системы Мангупа.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ **Анкудинов Д. А., Веймарн Е. В.** Отчет о проведении археологической экспедиции СМО на Мангуп-Кале в 1938 г.— Научный архив БИАМ, № 11, с. 9.
- ⁷⁴ Находится в Отделе археологии Крыма ИА АН УССР.
- ⁷⁵ **Веймарн Е. В.** Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции).— В сб.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 52—53; **Он же.** «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг., с. 77—78; **Он же.** О времени возникновения средневековой крепости Каламита.— В сб.: История и археология средневекового Крыма, с. 62; **Он же.** «Пещерные города» Крыма и вопрос о зарождении и

развитии феодальных отношений.— Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР. Баку, 1965, с. 146—147.

⁷⁶ Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма, с. 77—78; Веймарн Е. В. и др. Археологические исследования столицы княжества Феодоро, с. 125, 137, 139.

⁷⁷ Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, с. 53—54.

⁷⁸ Якобсон А. Л. История и археология средневекового Крыма. Рец.— СА, 1961, № 2, с. 289.

⁷⁹ Там же, с. 290.

⁸⁰ Якобсон А. Л. Средневековый Крым, с. 11.

⁸¹ Там же, с. 154, примеч. 41.

⁸² Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики.— МИА, 1970, № 168, с. 18.

⁸³ Е. В. Веймарн связывает разрушение стен Эски-Кермена с хазарскими репрессиями против Дороса после подавления восстания Иоанна Готского. Но локализация Дороса на Эски-Кермене требует обоснования, а археологические материалы, доказывающие эту дату, в публикациях не приводятся.

⁸⁴ Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет.— ВВ, 1961, т. 19, с. 243—244.

⁸⁵ Там же, с. 254—255.

⁸⁶ Талис Д. Л. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма.— В кн.: Экспедиция ГИМ. М., 1969, с. 135. Эту же мысль высказывал и А. Л. Якобсон (см.: Мангупская базилика, с. 221—222), но в дальнейшем он отнес создание Мангупской и Эски-Керменской крепостей к VI в. (Средневековый Крым, с. 11).

⁸⁷ Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена, с. 203.

⁸⁸ Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник.— В кн.: Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1974, с. 92.

⁸⁹ Там же, с. 98—105.

⁹⁰ Там же, с. 106—107, 113.

⁹¹ Домбровский О. И. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримських гір.— Археологія, 1961, № 12, с. 166.

⁹² Соломоник Э. И., Домбровский О. И. О локализации страны Дори.— ЛИСК. с. 11—44.

⁹³ Веймарн Е. В. Одне с важливих питань ранньосередньовічної історії Криму.— СВУ, вип. I. Київ, 1971, с. 62; Он же. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия?— АДСВ. Свердловск, 1980, вып. 17, с. 19—20.

⁹⁴ Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского.— В сб.: Феодальная Таврика, с. 153.

⁹⁵ Якобсон А. Л. Археологические исследования средневекового Крыма. Рец.— СА, 1971, № 3, с. 298—301.

⁹⁶ Пиоро И. С. К вопросу о ликвидации хоры Дори.— Тез. докл. юбил. конф. «50 лет Одесскому археологическому музею АН УССР». Киев, 1975, с. 162—163.

⁹⁷ Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв., с. 8.

⁹⁸ Там же, с. 10.

⁹⁹ Якобсон А. Л. Археологические исследования средневекового Крыма. Рец., с. 301.

¹⁰⁰ Фирсов Л. В. О положении страны Дори в Таврике.— ВВ, 1979, т. 40, с. 113.

¹⁰¹ Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.

¹⁰² Отчет Мангупского отряда за 1967 г.— Архив ОАК ИА АН УССР.

¹⁰³ Отчет Мангупского отряда за 1968 г.— Архив ОАК ИА АН УССР.

¹⁰⁴ Отчет Мангупского отряда за 1969 г.— Архив ОАК ИА АН УССР.

¹⁰⁵ Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа в свете новейших исследований.— Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Археол. исслед. на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1979.